

Первый броневой

Ирина Кашеварова

Кашеварова Ирина

Первый броневой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69560578

SelfPub; 2023

Аннотация

Август 1914 года. Российская империя вступила в Первую мировую войну. В Тарнополе собирают первый блиндированный поезд. Юный домовой Яшка без ума от изобретения и хочет уехать на бронепоезде на фронт. Но его дядя категорически против. Сможет ли Яшка осуществить свою заветную мечту? Рассказ написан по воспоминаниям подпоручика В. Белова.

Содержание

Кашеварова Ирина

Первый броневой

Белобрысый вихрь с воплем: «Дядька», ворвался в комнату. Задремавший после обеда Кузьма вздрогнул и недовольно приоткрыл глаза.

– Там такая штука едет, – племянник, пританцовывая от нетерпения, потянул его за рукав. Волосы всклокочены, курносый нос и левая щека уже измазаны чем-то черным. Опять небось лазил по составам. Хоть бы мать пожалел, та за стиркой света белого не видит.

Яшка был сыном его родной сестры. Ванька этот непутевый, Яшкин папаша, никак не мог на одном месте усидеть, мотался по городам и весям, гонялся за всякими техническими новинками. И сестренку с толку сбил своими фантазиями. Так и сгинул раньше времени, оставив жену с малолетним сыном.

А легко ли бабе одной с пацаненком на руках? Вот и вернулась Марфа к брату. Все-таки родная кровь, авось не прогонит. А Кузьме-то что? Не удосужился он завести семью, так и живет бобылем. Приютил сестру с мальчонкой. Вместе все веселее век коротать.

Еще когда Марфа только вышла замуж, Кузьма сразу понял – добром все это не кончится. Не пристало солидному

домовому по миру шляться. На то он и домовой. Вот, например, самого Кузьму взять.

Всю жизнь он прожил в цирюльне в уездном городке Кременец Волынской губернии. Вот прямо как после совершеннолетия заселился туда, так до нынешнего 1914 года там и обретался. И вот на тебе, зимой старый хозяин умер, а молодой выставил дом на торги. Вот только желающих купить не нашлось, много денег запросил наследничек.

А домовые не могут жить в доме без человека. Пришлось Кузьме с сестрой искать новое жилье. Но Кременец – городок маленький, все приличные дома уже заняты. Вот и обосновались они в халупе на окраине.

А в августе война¹ началась, совсем тяжко стало. И тут Яшка прибегает с новостями: «Русские войска заняли Тарнополь². Местный народец ушел вслед за австрияками. Айда обживаться».

И уговорил, таки постреленок. Собрали нехитрый скарб, и с тыловыми обозами отправились в путь.

В Тарнополе Кузьма устроился вокзальным: и крыша над головой, и еды всегда вдоволь. Лучше, пожалуй, только гостиничным, но туда еще попробуй пробиться.

Мальчишка тянул дядьку все настойчивей.

– Ну, какая еще штука? Ничего особенного сегодня не

¹ Российская империя вступила в Первую мировую войну 1 августа 1914 года

² Тарнополь в 1944 был переименован в Тернополь

ождается.

– Ага, не ожидается, – ехидно ухмыльнулся Яшка. – Не ожидается, а все равно прикатила. Пойдем, сам увидишь.

Кузьма сел на лавке.

– Вот ведь неугомонный. Ладно, идем. Покажешь, что там прикатило.

Вокзальный в сопровождении племянника вышел на перрон.

– М-да, – хмыкнул Кузьма, сдвигая картуз на затылок. – Такого чуда я еще не выдел.

На него медленно надвигалась артиллерийская площадка с трехдюймовой пушкой. Следом обитые досками и железом два приземистых пулеметных вагона, между которыми непривычно разместился паровоз, так же укрытый стальными листами.

Кузьма слышал о бронепоездах, но видеть их ему еще не доводилось. Громко вздохнув напоследок, стальное чудовище замерло, и Кузьма с Яшкой нырнули внутрь. Парень тут же прильнул к пулемету.

– Тра-та-та, – возбужденно закричал он.

Кузьма неодобрительно покачал головой, но ничего не сказал. Пусть мальчишка потешится. Наигравшись, Яшка попросил разрешения сгонять к орудию.

– Только ничего там не трогай, – предупредил Кузьма. – А я пока на паровоз гляну.

– А еще там, на крыше, есть специальная башня, чтобы следить за боем. А стенки у него не только железные, внутри еще мешки с песком привалены. Вот только, все равно, думаю, прямого попадания снарядом он не выдержит.

За ужином Яшка трещал без умолку, делясь впечатлениями. Пока мать в сердцах не стукнула сына ложкой по лбу:

– Ешь, давай. И так уже все остыло.

Кузьма внимательно наблюдал за племянником. Надо же, как сильно взбудоражил его этот бронепоезд. Оно понятно, любопытная диковинка. Но чтобы Яшка потерял аппетит, такого еще не бывало.

После ужина мальчишка снова убежал на улицу, а Марфа уселась за прятку. Вокзальный, взяв прохудившийся сапог и инструменты, примостился рядом. Какое-то время они занимались каждый своим делом. Первым нарушил молчание Кузьма:

– Весь в отца, постреленок. Вечно ему больше всех надо.

Марфа тихо вздохнула.

– Знаешь, сестренка, я у тебя никогда ничего не спрашивал. Но, может, все-таки расскажешь, как погиб Иван?

Марфа снова вздохнула. Некоторое время тишину нарушали только скрип прятки и стук молотка.

– Разбился он. Летуны праздник устроили на Комендантском поле в Санкт-Петербурге. А Ваня, он же в тех аппаратах каждый винтик знал, каждую гаечку. И летать очень любил. Каждый день в воздухе для него праздником был. А в тот

день... Развалился аэроплан, прямо в воздухе, на кусочки...
– голос сестры сорвался.

Кузьме стало неловко:

– Ты, главное, не подумай, что я из праздного любопытства, – извинился он. – Только беспокою мне за Яшу. Он сегодня весь день сам не свой. И все из-за этого поезда, будь он неладен. Боюсь я за парня, как бы чего не учудил. Да и фронт рядом. Может вам на восток уехать, подальше отсюда? Я договорюсь, вас встретят.

– От судьбы не уйдешь, – тихо возразила Марфа, и Кузьма понял, что больше он от сестры ничего не добьется.

* * *

В зал Тарнопольского вокзала, неловко опираясь на палку, вошел подпоручик. Он занял столик недалеко от группы инженеров, которые что-то громко обсуждали. Вскоре от шумной компании отделился подполковник и подошел к подпоручику.

Яшка, таившийся до этого момента в закутке, подобрался поближе. Благо люди не замечают домовых, если те, конечно, не сильно высовываются.

– Построили мы тут блиндированный поезд, – тем временем рассказывал подполковник. – Обслуживающую команду уже сформировали. Да, вот беда, никак не можем командира подобрать. Назначать кого-то из наших инженеров не хочется. Все-таки они будут полезнее на своем месте.

К тому же мы больше штатские, войне не обучены. А вы,

я вижу боевой офицер, были ранены. Значит, и боевой опыт у вас есть. Что скажете, если я предложу вам командование броневым поездом? Это, кстати, пока единственный бронепоезд в Галиции, да и на всем Юго-Западном фронте тоже.

– Целым бронепоездом? – собеседник выглядел ошеломленным. – Но я ведь всего-навсего подпоручик. Наверняка, найдется офицер постарше чином, который не откажется от такого заманчивого предложения

– Найдется, – кивнул подполковник. – Вот только, сколько мы его искать будем, а поезд требуют на фронте уже сейчас.

– Но меня ждут в родном полку. Я должен ехать.

– Вот и поезжайте. А я, со своей стороны, телеграфирую в Ставку, и приказ о вашем новом назначении прибудет даже раньше вас. Если вы, конечно, согласны.

Яшка ойкнул от резкой боли.

– Ты что здесь делаешь? – Кузьма яростно крутил племяннику ухо, выводя того из зала. – Я тебя куда посылал?

– Дядька, пусти. Больно.

– Конечно, больно, – согласился вокзальный, но ухо все-таки отпустил.

– Они, кажется, нашли командира, – потирая пострадавшую часть тела, ответил Яшка. – Это значит, что поезд скоро уйдет на фронт.

– Вот и слава Богу, – ответил Кузьма. – Может ты тогда снова будешь делом заниматься, а не рыскать, где не попадя.

Он вручил племяннику ведро и тряпку.

– Марш окно мыть. Пока не вымоешь, ужин не получишь.

А я проверю, чтоб блестело.

– Почему я? Пусть люди сами его и моют.

– Ты домовый или кто? – возмутился Кузьма. – Чтобы я больше таких разговоров даже не слышал.

Яшка, подхватив ведро с тряпкой, уныло побрел по вокзалу.

– Да я его до утра мыть буду, – бурчал он про себя, оглядывая круглое панорамное окно. – И кто только придумал его сделать таким гигантским.

* * *

– Яков, – Кузьма был сердит на племянника. С тех пор как на станции появился бронепоезд, мальчишка, совсем от рук отбился. Работу забросил. Казалось, он был готов даже ночевать в этом поезде. Вихрастая голова мальчика показалась из смотровой башни.

– Я тебе утром говорил, чтобы ты никуда не отлучался? – ящик с инструментами грохотнул о землю. – Говорил, что нам сегодня надо часы осмотреть, что-то они отставать стали? Почему я должен за тобой бегать?

– Я ж ненадолго, – мальчишка виновато шаркнул ногой.

Но Кузьма уже не слушал, широкими шагами направляясь к зданию вокзала. Подхватив тяжелый ящик, Яшка поспешил за ним.

– Посвети чуть левее, – Кузьма прищурился. – Вот сюда надо масла капнуть.

Яшка протянул дяде масленку.

– Нет уж, давай сам. Не вечно тебе в учениках ходить.

Глядя как ловко управляется с работой племянник, Кузьма одобрительно улыбнулся. Хорошая смена растет. Вот если бы он еще выбросил свои глупости из головы, цены бы парню не было.

– Пойдем, циферблат проверим. – Кузьма аккуратно перебрался наружу, мальчишка последовал за ним.

– Найди мне отвертку, – попросил он племянника, осматривая стрелки.

Не дождавшись инструмента, Кузьма оглянулся. Мальчик сидел на краю, свесив ноги, и разглядывал бронепоезд.

– Яшка, – окликнул его вокзальный. Потом громче: «Яков».

Племянник вздрогнул и оглянулся.

– Ладно, свободен, – махнул рукой Кузьма. – Я тут сам закончу.

Яшка просиял. Босые пятки лихо отбили дробь по ступеням. Глядя вслед мальчишке, вокзальный нахмурился и пробурчал:

– Не к добру это. Ох, не к добру.

Этой ночью Кузьма проснулся по зову природы. Сон не шел. Август выдался теплым, и Кузьма решил прогулять-

ся. Безоблачное небо, сплошь усеянное крупными звездами, завораживало и манило. Одурающе пахло травами. Привычные звуки ночи нарушал какой-то ритмичный звук, явно искусственного происхождения. Кузьма решил полюбопытствовать. Приближаясь, он понял, что звук исходит от бронепоезда. Кто-то методично стучал молотком по железу. Кузьма даже не удивился, увидев племянника.

– Ты что тут делаешь? – вклинился он между ударами.

– А? – Яшка, прищурившись, всмотрелся в темноту. И, узнав дядю, деловито засопел. – Тут лист слегка отошел, видать приварили не очень аккуратно. Не страшно, конечно, но я все-таки решил заклепать для порядка.

– А тебе-то какая разница?

– Сам же говорил, у хорошего домашнего в хозяйстве всегда должен быть порядок.

– Так какое же это хозяйство? Он, как приехал, так и уедет скоро. Стоит ли за каждым поездом гоняться?

– Он не каждый, он особенный, – возразил Яшка.

– Нет, ну что за моду взял, со старшими спорить, – рассердился на племянника Кузьма. – А ну марш спать.

На следующий день Кузьма видел, как прибыла артиллерийская команда. Теперь бронепоезд полностью укомплектован и через несколько дней отправится под Станиславов. Наконец-то племянник утихомирится.

После ужина Яшка против обыкновения не убежал гу-

лять, а, выпросив у матери мешок, стал метаться по дому в поисках самых неожиданных вещей.

– Тебе это зачем? – прищурился Кузьма, в ответ на просьбу дать свечи.

– Я броневым решил стать, – важно ответил Яшка. – Мы скоро на фронт отправляемся. Надо вещи собрать.

Марфа охнула и села на лавку.

– Какие вещи, – взревел Кузьма. – Даже думать забудь. Ишь ты, броневой выискался.

Он забрал у Яшки мешок, а самого парня запер в комнате.

– Пусти – забарабанил в дверь мальчишка. – Ты мне не отец, чтобы командовать.

– Поговори мне еще, – буркнул Кузьма, возвращая мешок Марфе.

Яшка уже два дня сидел под замком. Кузьма пытался вразумить племянника, но каждый раз натыкался на молчаливую спину.

– Ничего, подрастешь, еще спасибо скажешь.

После отправления поезда Кузьма отправился вызволять племянника из-под домашнего ареста. Мальчишки в комнате не оказалось. Вокзальный рванул обратно, но на перроне остались только рабочие. Сзади к нему тихонько подошла заплаканная Марфа.

– Нет, ну ты представляешь, – досадливо пробормотал

Кузьма, тыльной стороной ладони вытирая сестре слезы. – И ведь как-то смог убежать, постреленок. Вот, дурная голова. Как же он без вещей? А зима наступит, что будет делать?

– С вещами он, – ответила Марфа. – Я ему вещи собрала, и выпустила его.

– Ты? – удивился Кузьма. – Но зачем? А вдруг с ним что случится?

– Все равно убежал бы. Упрямый он, весь в отца, – вздохнула домовиха.

* * *

В середине сентября от Яшки пришло письмо.

«Здравствуйте, дорогие матушка и дядя. Пишу вам из Станиславова³, у меня все хорошо.

Сначала мы долгое время только пугали австрийцев. Подъедем к линии фронта, они всполошатся, начинают нас обстреливать, а мы сделаем пару залпов и назад на свои позиции.

А тут командиру дали задачу атаковать мост на Станиславов и помочь пехоте преодолеть переправу. Ночью мы тихонько подъехали к самому мосту, а на рассвете, когда бронепоезд стало видно, рванули на мост, открыв бешенный огонь из всех двенадцати пулеметов и пушки.

И пока австрийцы пытались понять, что происходит, пехота без единого выстрела заняла вражеские окопы. Из города по нам начала стрелять артиллерия и мы рванули назад.

³ Станиславов в 1962 был переименован в Ивано-Франковск

И только поезд выехал из зоны обстрела, как оказалось, что пути разбиты. Пришлось ремонтной бригаде выходить их чинить.

И тут, представляешь, дядька, какой казус со мной приключился. Решил я им помочь, бригаде, то есть. А что зря в паровозе сидеть. И вот, придерживаю я незаметно костыль, как поезд тронулся, набирая ход, обратно в сторону Станиславова.

Я рванул было за ним, да где там. Долго бежал я по путям, потом вспомнил, что из города других путей пока нет и пошел шагом. И вот, когда я уже добрался до окраины, слышался шум. Это мой бронепоезд мчался обратно из города. Мне оставалось только соскочить с путей и проводить его взглядом.

В этот момент я испугался, что бронепоезд отправили на помощь другим и снова бросился догонять. И уже, наверное, полпути пробежал, как поезд снова показался по направлению к Станиславову.

В общем до города я доковылял уже к вечеру. И сидя в теплом закутке паровоза, узнал, что, они оказывается просто отвозили пленных в штаб. А я гонялся за ними как оглашенный. Нет, дядька, больше я с поезда ни ногой.

Передавай привет матушке. За меня не волнуйтесь».

Марфа улыбнулась, поглаживая кривые строки, написанные рукой сына. Кузьма тихонько обнял сестру: «Будем ждать».

* * *

Я отложил ручку. Поясница ноет нестерпимо. Зато я наконец-таки дописал рассказ. Лицо Марфы до сих пор стоит у меня перед глазами. Как будто и не было этих ста лет. У домовых идеальная память, мы никогда и ничего не забываем. Видно поэтому мы так и не изобрели своей письменности, приходится писать по-человечески.

Когда-нибудь люди найдут рукопись и решат, что это очередной фантастический рассказ какого-нибудь графомана. Впрочем, может домовые к тому времени и вправду станут фантастикой. Мы живем долго, гораздо дольше, чем люди. Но бомбы и пули убивают нас также легко.

Наверное, поэтому я и решился на это. Написать о первом броневом. Он прошел и Первую мировую, и Гражданскую. Много еще молодежи последовало за ним и в танки, и в самолеты. Яша погиб под Прохоровкой в сорок третьем. Но здесь, на этих страницах, он еще жив. И у него впереди вся жизнь. Яркая и счастливая.